

РЕЦЕНЗИИ**А.С. БАКАЛОВ¹
ИСТОРИЯ, СТАВШАЯ РОМАНОМ**

Рецензия на книгу А.Шнайдера «Мариенталь XVIII-XIX» (Berlin: VIATEMKA-Verlag, 2014; Барнаул: ИПП АСТ, 2014 / пер. с немецкого А. Шнайдер-Стремяковой) и роман А.Шнайдер-Стремяковой «Айсберги колонизации» (СПб.: Алетейя, 2012; Барнаул, 2014)

Книги, поднимающие проблемы самоидентификации того или иного народа, выходят в свет нередко и особенно часто становятся фактом литературы в «эпохи перемен». В истории своего прошлого писатели пытаются найти смысл сегодняшней жизни своего народа, обозначить, предугадать пути и перспективы дальнейшего бытия нации. В этом смысле актуальным и в каком-то смысле ожидаемым фактом стал почти одновременный выход в свет двух книг на одну и ту же тему, хотя и написанных авторами с временным разрывом почти в 200 лет, – мемуарных записок Антона Шнайдера (XIX век) и исторического романа его современного нам потомка Антонины Шнайдер-Стремяковой «Айсберги колонизации». Обе книги, презентация которых с успехом прошла в августе 2014 года в «Российско-немецком доме» г. Барнаула, заслуживают самого чуткого внимания и, прежде всего, – со стороны представителей двух наций – русских и немцев. Ибо написаны они «русскими немцами», опубликованы почти одновременно и в России, и в Германии, и речь в них идет тоже о «русских немцах», об истории их мучительно трудного вхождения в русскую жизнь и в российскую историю.

Авторы: Антон Шнайдер, немецкий колонист третьего поколения, талантливый художник, просветитель середины XIX века, публицист. Его записки порой становились важным

¹ Анатолий Семенович Бакалов, доктор филологических наук, профессор Поволжской социально-гуманитарной академии, член Союза германистов РФ, член Союза переводчиков РФ

источником информации для работ профессиональных историков. В настоящем издании они вышли как двуязычная книга на немецком и русском языках в отличном переводе его потомка. И сам этот потомок выступал на презентации как второй автор. Это наша современница Антонина Адольфовна Шнайдер-Стремякова, в прошлом учитель-гуманитарий, полвека проработавшая в школах Алтая, а ныне писательница, недавно переселившаяся в Берлин, автор ряда произведений, в основном, автобиографического характера.

До недавних пор темы, поднятые авторами рецензируемых книг, вряд ли были популярны. То, о чем в мемуарных записках и в историческом романе повествуется, всегда было не то что бы тайной, но сферой, к которой надо было относиться с осторожностью, потому ее и не касались. Само собой разумеется, что среди российской интеллигенции, среди русских политиков и военных едва ли не каждый пятый носил немецкую фамилию, да и сейчас, в эпоху массовых отъездов, далеко не все носители таких фамилий спешно променяли русскую рыбалку на немецкую лицензию на отлов трех рыбок.

Кто из россиян не знает, что в Саратовской губернии издавна обитали некие «волжские немцы», что с середины прошлого века немецкими поселениями стали затем обрастать районы Урала, Сибири, Казахстана, Средней Азии? Автору этой рецензии самому приходилось собирать со студентами-филологами немецкий и латышский фольклор по деревням Кемеровской области. Но как, какой волной были вынесены эти «нетитульные» здесь народы из мест их исконного проживания?

В нашем сознании этот «немецкий вопрос» был всегда молчаливо связан с именами Екатерины II и Сталина. Императрица поселила немцев на юге России, Сталин же почти два века спустя угнал их еще дальше вглубь страны. Государственная целесообразность, что тут можно еще добавить?

Ни в мемуарах немецкого поселенца А. Шнайдера, ни в романе А.Шнайдер-Стремяковой имени «отца народов», конечно, нет и быть не могло - время действия и время художественное заканчивается в обоих произведениях за добрую сотню лет до предстоявших репрессий, но тут встает вопрос, а так ли уж сильно

советский и постсоветский XX век отличался от веков предыдущих? И вопрос этот тоже под стать айсбергу, мимо которого никак беспрепятственно не проплыть.

Тема и мемуарных воспоминаний, и написанного на их основе романа – не очень долгая история проживания неподалеку от Саратова «волжских немцев». А если точнее, то это «труды и дни» одной лишь маленькой немецкой колонии, одной из ста пяти (105!) похожих на нее, крошечной части немецкого населения, откликнувшегося в XVIII веке на призыв русской императрицы. Они перебрались из своих вюртембергских, саксонских, гессенских княжеств, истерзанных Семилетней войной, в малозаселенные области Нижней Волги, чтобы укрепить там и упорядочить дикие степные окраины Юго-Востока России. В бурно развивавшейся после Петра империи не доставало своего населения, ее пустынным, но беспокойным территориям «дикого поля» остро и на долгие годы требовались цивилизованные «гастарбайтеры», которые со временем автоматически становились бы гражданами России. Екатерина II призывала на благодатный русский юг тысячи своих трудолюбивых земляков, выделяя им деньги из бюджета («проездные» и «кормовые»!), не скупясь на обещания и открывая перед новоселами самые светлые перспективы. В своих надеждах и обещаниях императрица была, наверное, искренна, но, как всегда неизбежно было и есть в нашем отечестве, ни в верхах, ни в низах никто не изучил и не учел подводную часть многих «айсбергов» – социально-политических, межнациональных, этнических, да и просто бытовых и погодных.

Современному читателю, привыкшему к поездкам и самолетам, приходится простодушно напомнить, что два столетия назад расстояние от какого-нибудь Вюрцбурга до Саратова – на лошадаках и морских переправах – преодолевалось за... два-три года, что в пути переселенцам нужно было пережить как минимум две зимовки при суровых российских морозах, нужно было привыкать к пьянству и угрюмой бытовой ксенофобии русской деревни, лечить обмороженных детей и хоронить скончавшихся больных, а по прибытии «к месту назначения» вдруг обнаружить, что их здесь никто не ждал, что для местных саратовских властей их приезд – малоприятный сюрприз. И тогда только взволнованный переселенческий комитет уже в авральном порядке – и вовсе не

тотчас – придется расселять немцев в лучшем случае по целинным землям, – не обеспечивая никого ни тягловой силой, ни продовольствием, ни посевным инвентарем. В самом же обычном варианте – так и вообще по солончакам и «ничейным» песчаным неудобцам. Никак не выходят из головы слова современного поэта, посвященные, правда, освоению других «целинных и залежных земель»:

*На новых землях, в стороне, открытой
И нужен срок, чтоб здесь укорениться
Для счастья людям, часто жизнь трудна.
И жизнь иною памятью облечь,
И кажется она им необжитой,
И новым детям нужно здесь родиться,
И помнится родная сторона,
И должно дедам в эту землю лечь...*

В названных книгах – с бóльшим или меньшим погружением в бытовые факты – перед читателями пройдет жизнь четырех поколений немецких колонистов, откликнувшихся на призыв русской императрицы. Их будет выручать здесь, а то порой и становиться помехой их немецкая ментальность: их оптимизм и их житейская трезвость, добропорядочность и, случалось, так и желание схитрить и скрыться с полученными на переезд «русскими» деньгами, немецкое упорство и трудолюбие с немецкой же наивной верой в силу закона. Российская действительность не забывала и тут методично вносить во все свою «национальную» коррекцию.

Там, где в соприкосновение приходят разные народы, они – независимо от характера этого соприкосновения – взаимно обогащают друг друга своим опытом – как хорошим, так и дурным. А в данном случае речь идет о трудной взаимной «притирке» представителей трех национальностей, оказавшихся причастными к одной территории: немецкой, русской и кочевых киргизов-кайсаков, традиционные пастбища которых волею властей были отданы в землепользование немецким переселенцам.

Исторический роман как жанр не есть роман-хроника и не обязан воспроизводить точную копию и последовательность исторических событий. Эта форма повествования просто дает

ощущение исторической правдивости изображаемого, пусть и в сочетании с элементами художественного вымысла. Так, в мемуарах А. Шнайдера нет, конечно, и не могло быть лирических, любовных сюжетных линий или, скажем, такой сцены, как беседа Екатерины Второй с расположившимся у ее ног Григорием Орловым. Тем не менее, исторический роман А. Шнайдер-Стремяковой, все это включивший, вообще похоже на роман документальный, на хронику о том, что было и ушло. Он несет в себе ощущение «голой» правды, идентичности всего изображаемого. Здесь и споры-сомнения обывателей земли Вюртемберг на тему: ехать – не ехать в Россию, и отчаяние первого поколения переселенцев, оставленных властями один на один с природой – без крыши над головой, без денег и инвентаря. Труд, лишения, устройство быта, взаимопомощь и работа – до крови, до смертного изнеможения... И едва колония станет обретать бытовую стабильность, грянет восстание Пугачева с грабежами и убийствами со стороны залетных банд. Едва стала забываться подавленная властями пугачевщина, как приходит еще более страшное – регулярные августовские набеги киргизов, их насилие, убийство детей, порушенные семьи, киргизские полоны. Обо всем этом в обеих книгах достаточно подробностей, порой душераздирающих.

Государство, пригласившее иностранцев к себе на жительство, самоустранилось от своих обязательств перед приезжими, душит налогами, не обеспечивает их безопасности. И когда, наконец, преодолев это все, колонисты за счет своего немецкого пота все-таки становятся хозяевами положения и уже выводят край к процветанию, опомнившаяся было «матушка-императрица» уравнивает своих земляков с... российскими крепостными крестьянами, вводя в закон унижение перед алчными чиновниками и непомерные подати – «подушные, казенные и на работника». И в немецкие семьи приходят полтора десятка воистину черных лет – годы зависимости от любого заезжего чиновничьего «картуза», нищенства, недоедания, вымирания. После смерти Екатерины Павел I ее указ отменит, в Мариенталь снова станет возвращаться пора стабильности, но впереди, увы, будет еще XX век!

Как и записки Антона Шнайдера, роман его потомка написан от третьего лица, от объективного повествователя, но это

«лицо», – разумеется, немецкого происхождения. Его (скорее ее) немецкими глазами мы воспринимаем всю историю колонизации, и было бы, наверное, понятно и объяснимо, если бы где-нибудь, скажем, в рассказе о зверской жестокости грабителей-кочевников или о самодовольной тупости и лени русского чиновничества прозвучали антикиргизские или антирусские нотки. Однако этого в романе нет. Было по-всякому, было много бесчеловечного, но было и такое, о чем в одном месте узнается из диалога персонажей:

– Мне тут недавно мужик из соседней колонии историю свою рассказал, – оживился молчавший Йоханнес. – Явился к нему молодой киргиз и на родном нашем диалекте назвал его братом. Просил поехать с ним в орду и провести там свою мать. Немец поехал и, действительно, встретил мать. Обнимались. Плакали...Плакало и десять детей ее новой семьи, но возвращаться в колонию старушка отказалась. Одарила сына лошадьми, скотом, разного рода подарками и осталась в новой семье.

– Да-а. Немцы породнились с киргизами, скрепили родство кровью...(С. 217).

Итак, если подвести итог работе рецензента, то таковой убежден: **обе книги, выпущенные немецким и российскими издательствами, несмотря на различие жанровых особенностей, представляют собой чтение познавательное, нелегкое, полезное, интересное, поднявшее во многом те же проблемы, от которых государство российское, увы, не торопится избавляться по сей день.** Это произведения, в рамках своих жанров, несомненно, состоявшиеся и достойные самого внимательного прочтения.

Если сделать акцент на романе как симбиозе хроники и вымысла, то в художественном повествовании можно найти и слабые стороны. Это и преобладание диалогов, порой превращающее роман в киносценарий, и некоторая стилистическая и редакторская невыверенность текста.

Думается, однако, что книгу, как и любой другой труд кого бы то ни было, ценить надо не потому, что в ней недоделано, а по тому, что удалось. В целом критик-рецензент склонен считать роман А. Шнайдер-Стремяковой произведением качественным и значительным. И не в последнюю очередь из-за системы

персонажей, как индивидуально обрисованных, так и собирательного образа немецких переселенцев в целом.

Вот среди них мудрая, многострадальная и по-своему героическая Луиза Шнайдер, вот красавица Антуанетта, достойная гораздо лучшей женской участи, вот энергичный и жизнелюбивый Матиас и устремленный к знаниям мальчик Антон Шнайдер – тот самый, который напишет когда-то свои «мемуары» – фактическую основу для романа. Остаются в памяти и герои второго плана – пастор Вернборнер, ценой своей жизни попытавшийся спасти колонию от повторного киргизского нашествия, скромная Китти, прижимистый и вороватый Франс. Никак нельзя забыть и фигуру, для романа эпизодическую, – русского майора Гогеля – этакого удалого Анику-воина, с горсткой солдат разогнавшего орду головорезов и вызволившего из киргизского плена десятки женщин и детей. Хотя об этом ни в записках, ни в романе не сказано, но Гогель – поляк по происхождению – это видный сподвижник Г.Р. Державина в деле подавления пугачевского бунта, храбрец, сорвиголова, достойный, думается, быть главным героем особого исторического романа.

Пусть не прозвучит здесь непомерной натяжкой и еще одно: то, что роман о «русских немцах» местами явно напоминает одно «нобелевское» произведение XX века с похожей же канвой сюжета. Уйдя из обжитого места, где жизнь в силу каких-то причин не задалась, группа людей самого разного возраста идет вслед за лидером «в направлении наугад», чтобы на диком месте основать новую жизнь, фактически новую цивилизацию. И будет ими основано поселение, и станет селение разрастаться, и станут править в нем любовь и кровь, и будет в городке много разных чудес, и начнут из внешнего мира вползать в это «экспериментальное» пространство политика и церковь, просвещение и бизнес, торговля и наука. И, наконец, в апокалипсисе поглотившей все «цивилизации» погибнет городок Макондо по прошествии ста лет существования.

Да, это «Сто лет одиночества» Г.Г. Маркеса. И пусть на этом аналогия по существу и заканчивается, ведь автор «Айсбергов» никак не претендовала на мифологические глубины романа, вобравшего в себя всю историю Латинской Америки. У нее, автора, частная история заселения немцами земель Поволжья, история,

описанная то ли пером очевидца, то ли его кровью, и все же не более того. Но разве не несет в себе ее мудрая Луиза – жена, вдова, мать, любовница, бабушка – черт праматери Макондо Урсулы Игуаран? А обольстительная Антуанетта – не родная ли она сестра Ремедиос Прекрасной? Разве что ей не дано было вознестись на небеса. И разве не воспринимаются оба эти столь неравнозначные произведения – и великого венесуэльца, и русской писательницы, не порвавшей со своими немецкими корнями, – в первую очередь как романы о любви? А буквальная «перенаселенность» обоих произведений персонажами с одинаковыми или похожими именами?

И концовка, не поэтому ли она так щемяще грустна в обоих романах-хрониках, где авторы подводят печальный итог своим цивилизациям – пусть исчезнувшим, но никак не канувшим «в Лету» бесследно!